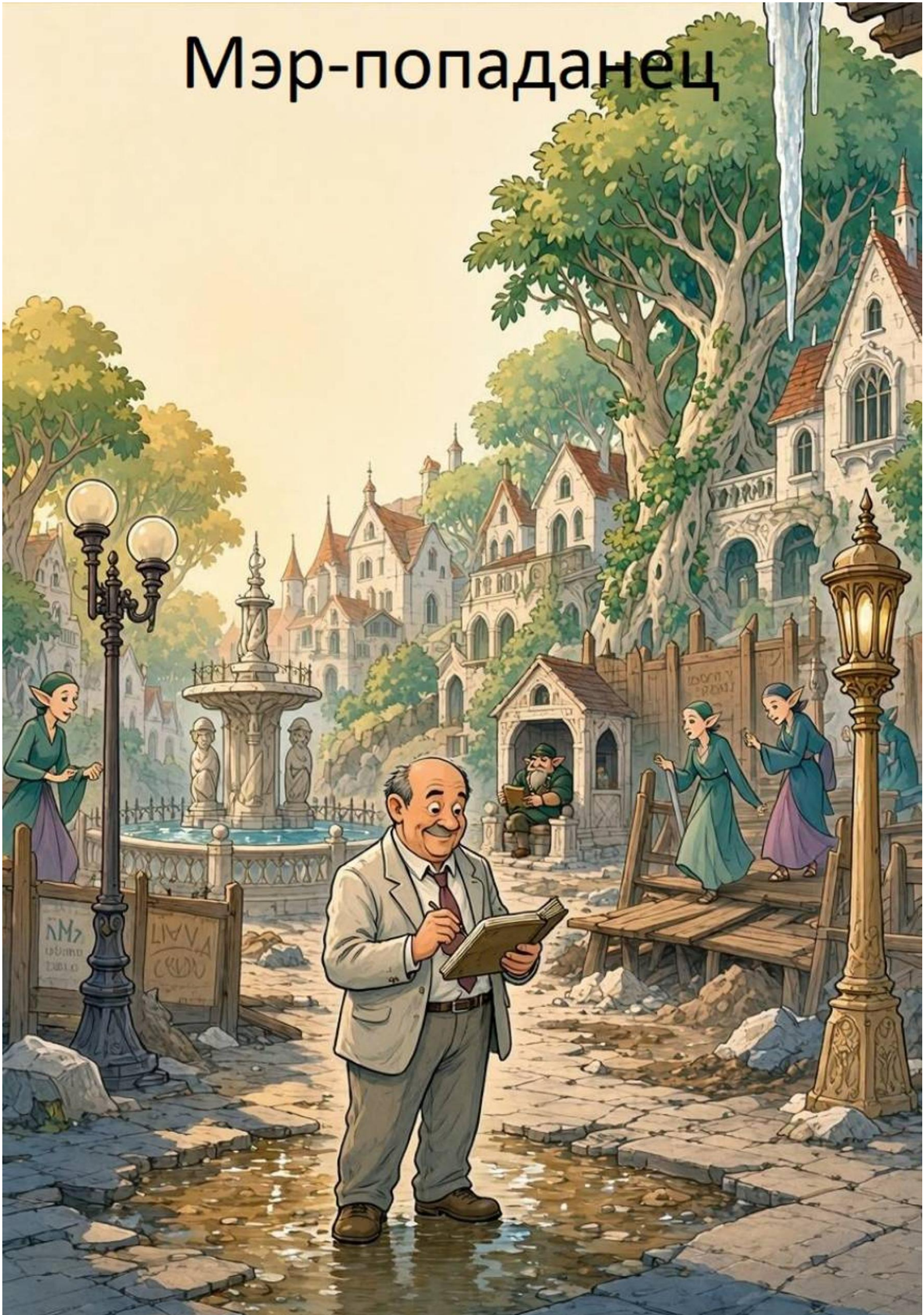
Мэр-попаданец

Криптозоолог

Мэр-попаданец

«Автор»
2026

Криптозоолог

Мэр-попаданец / Криптозоолог — «Автор», 2026

Мы много читали про то, как в другой мир попадали студенты, айтишники, рабочие, но что будет, если перенесётся не абы кто, а мэр города? О том и рассказ. Сатирическое фэнтези, так сказать, на злобу дня.

© Криптозоолог, 2026
© Автор, 2026

Криптозоолог
Мэр-попаданец

Мэр-попаданец.

Глава 1. Плитка

Виктор Павлович Загребин, мэр города Краснозаборска, проснулся от звука, который любил больше пения птиц, детского смеха и гимна области вместе взятых. Под окнами работал перфоратор.

Этот звук означал, что на Соборной площади снимают плитку.

Плитку на Соборной площади клали в третий раз за год. В мае легла серая, «под гранит». В сентябре — серая, «под гранит улучшенный». Теперь, в начале марта, прямо в подтаявший снег ложилась серая «гранитная премиум». Чем она отличалась от предыдущих, не знал никто, включая завод-изготовитель. Знал только Виктор Павлович. Отличалась она ценой.

Он лежал, слушал перфоратор и считал. Считать он вовсе не собирался, это происходило само собой. Так человек с абсолютным слухом, хочет он того или нет, слышит, что за стенкой кто-то фальшивит на пианино.

Площадь — четыре тысячи двести квадратных метров. По смете — четыре тысячи девятьсот, «с учётом подрезки и боя». Бой бывает, кто же спорит. Бой — явление природное, вроде погоды, и, как погоду, его никто никогда не проверял. Плитка шла по три двести за метр, в смете стояло пять восемьсот. Укладка, вывоз старого покрытия, «устройство щебёночного основания толщиной двадцать сантиметров» — тут Виктор Павлович даже улыбнулся, как улыбаются старому доброму анекдоту.

Подрядчиком было ООО «Благоустрой-Плюс». Оно было зарегистрировано на троюродную племянницу жены. Племянница пребывала в уверенности, что три года назад подписала документы на курсы маникюра, и в каком-то смысле не ошибалась: маникюр у неё с тех пор был отличный.

Хорошо выходило. Ровно. Как и положено.

Виктор Павлович нашарил тапки, прошёл на кухню и включил кофемашину, купленную на сэкономленное при закупке кофемашин для мэрии. Жена третий месяц жила в Черногории «по состоянию здоровья». Здоровье у неё было отменное, а у Черногории — климат.

За окном Краснозаборск начинал свой день так же, как начинал его последние двадцать лет: серо, мокро и без особого энтузиазма. По улице Ленина шёл троллейбус, объезжая яму, которую Виктор Павлович трижды закрывал по контракту и ни разу в действительности. Яма была старожилом. У неё было имя: местные звали её Загребинкой, и мэр, в общем, не обижался. Не каждому при жизни ставят памятник.

С крыш свисали сосульки. По муниципальному контракту «Очистка кровель от снега и наледи» их сбивали трижды за зиму силами промышленных альпинистов ООО «Вершина». Альпинистов в ООО «Вершина» не было. Не было, строго говоря, и самой «Вершины»: были печать, расчётный счёт и шурин Жора. Сосульки об этом не знали и росли с той добросовестностью, которой так не хватало подрядчикам.

Эту статью Виктор Павлович ценил особо. Сосулька — идеальный объект: её либо сбили, либо к апрелю она растаяла сама. В обоих случаях акт выполненных работ оказывался совершенно верным.

Телефон зазвонил, когда кофе был выпит наполовину.

Номер не определился, но Виктор Павлович узнал бы его и на том свете. Звонил Аркадий Семёнович из областной администрации. Должность у Аркадия Семёновича была длинная и скучная, на визитке она занимала три строки мелким шрифтом. Функция же была короткой и понятной: Аркадий Семёнович забирал.

— Витя, — сказал он вместо «здравствуй». Здороваться Аркадий Семёнович считал излишеством, вроде бахромы на шторах. — К пятнице.

— Аркадий Семёнович, так ведь плитку только кладём. Акты ещё не закрыты, деньги не пришли…

— Мне неинтересно, что ты кладёшь, Витя. Мне интересно, что ты привезёшь.

— Понял.

— И ещё. В апреле к вам едут из Москвы. Комиссия по комфортной городской среде. Чтобы было комфортно. Ты меня понял?

— Понял, Аркадий Семёнович. Будет комфортно.

— Вот и молодец.

В трубке стало тихо. Виктор Павлович постоял, глядя на остывающий кофе, и сказал вслух, хотя в квартире никого не было:

— Вот поэтому.

Эту фразу он говорил себе много лет, и она работала безотказно, как хорошая отмычка. Вот поэтому и плитка. Вот поэтому и Загребинка, и «Благоустрой-Плюс», и щебёночное основание, которого никто никогда не видел. Не для себя же. Система. Не заносишь — снимут. Снимут — придёт другой, и будет заносить больше. А так хоть свой человек на месте, понимающий.

Из каждых десяти рублей наверх уходило шесть. Оставшиеся четыре Виктор Павлович называл «издержками» и искренне не понимал, почему их надо стыдиться. Издержки есть в любом производстве. А дом в Черногории, если подумать, тоже был своего рода издержкой: должен же человек, работающий в таких условиях, где-то восстанавливать нервную систему.

Он допил кофе, надел пальто, купленное на издержки, и спустился к машине.

Водитель Толик вёз его через центр, и Виктор Павлович смотрел в окно с тем чувством, с каким хозяин осматривает хозяйство.

Вот сквер Победы. Пять лет назад там стояли старые тополя, и бабушки жаловались на пух. Тополя спилили, высадили молодые клёны по контракту на одиннадцать миллионов. Клёны засохли в первое же лето, потому что полив в контракт не вошёл. Теперь там стояли таблички «Здесь будет сквер», и на следующий год сквер собирались высаживать снова. Виктор Павлович любил этот сквер. Он был как вклад под хороший процент.

Вот мост через Заборку. Мост красили каждый год к Дню города, и каждый год краска облезала к Новому году, обнажая предыдущие слои. Местный краевед как-то сказал, что по этому мосту можно изучать историю администрации, как по годовым кольцам дерева. Краеведа Виктор Павлович не любил.

Вот Дом культуры с новым фасадом из композитных панелей. Под панелями, как под гримом, старел и крошился старый кирпич. Но снаружи было нарядно, а у комиссий, как известно, нет рентгена.

Город был серый. Не плохой, не страшный, а просто серый, как вода после мытья полов. Виктор Павлович давно перестал это замечать. Человек, который двадцать лет живёт рядом с железной дорогой, перестаёт слышать поезда.

У крыльца мэрии его ждала Анна Тихоновна.

Анна Тихоновна приходила раз в неделю, по вторникам, с тем же упорством, с каким приходит осень. Ей было восемьдесят два года, и она жила на Садовой, где тротуар перекопали ещё в октябре, да так и бросили до весны.

— Витенька, — сказала она, и охранник у двери деликатно отвернулся. — Я до поликлиники дойти не могу. Там траншея. Через траншею досточка. Я по досточке не пройду, я не гимнастка. А над крыльцом поликлиники сосульки висят, с меня ростом.

— Анна Тихоновна, к маю всё сделаем. Слово даю.

— Ты, Витенька, в октябре слово давал.

— Обстоятельства, Анна Тихоновна. Подрядчик.

Она посмотрела на него снизу вверх, сквозь толстые очки, тем самым взглядом, которым когда-то смотрела на его тетради по геометрии.

— Я ж тебя в школе учила, Витя. Ты хорошим мальчиком был. Аккуратным. Задачи всегда решал красиво.

Что-то в нём кольнуло, совсем чуть-чуть, как камешек в ботинке. Виктор Павлович улыбнулся служебной улыбкой и пошёл к дверям.

«Хорошие мальчики, Анна Тихоновна, — подумал он на ходу, — в Краснозаборске до пенсии в районо сидят».

А задачи он и сейчас решал красиво. Это была правда.

Торжественное открытие обновлённой Соборной площади назначили на три часа дня. К двум часам рабочие «Благоустрой-Плюса» доложили последние ряды плитки у фонтана, к половине третьего смели с неё мокрый снег, а без пятнадцати три ушли, оставив после себя чистоту, свежесть и стойкий запах обмана, который, впрочем, на открытом воздухе быстро выветривался.

Фонтан не работал. Он не работал с 2009 года, но его каждый год ремонтировали, и это была самая стабильная статья городского бюджета. В фонтан положили искусственные цветы.

Собралось человек сорок: сотрудники мэрии, которых обязали, хор Дома культуры, который обязали ещё строже, местное телевидение и несколько прохожих, решивших, что раздают что-то бесплатное. Анны Тихоновны среди них не было - она не смогла перейти траншею.

Заместитель Сазонов поднёс ножницы на бархатной подушечке. Подушечку закупили в прошлом году для открытия моста, по цене, за которую можно было бы открыть небольшой мебельный салон.

Виктор Павлович взял микрофон.

— Дорогие краснозаборцы! — сказал он тем голосом, которым говорил на всех открытиях, и голос этот звучал искренне, потому что за двадцать лет он сам почти перестал отличать его от настоящего. — Сегодня мы делаем ещё один шаг к комфортной городской среде. Каждый метр этой площади уложен с любовью. С любовью к городу. С любовью к вам.

Хор запел. Камера оператора мигнула красным огоньком. Виктор Павлович перерезал ленточку, раскланялся и отошёл к Дому культуры, чтобы его сняли на фоне нового фасада. Композитные панели по телевизору смотрелись почти как мрамор.

Сверху что-то тихо хрустнуло.

Звук был негромкий и деликатный, как покашливание ревизора в соседнем кабинете. Виктор Павлович поднял голову.

С карниза Дома культуры, прямо над ним, свисала сосулька. Это была не просто сосулька, это было произведение. Она росла с декабря, подпитываясь каждой оттепелью и каждым невыполненным актом, и к марту достигла размеров, которые в другом городе привлекли бы внимание МЧС, а здесь привлекали разве что голубей. Эту сосульку требовали устранить трижды и каждый раз денег у администрации не находилось, а людям обещали непременно заложить эти работы в смету будущих расходов. Деньги на очистку кровель в бюджете при этом были, и немалые. Просто их целиком и без остатка освоило ООО «Вершина», а на всё остальное, как известно, не хватает никогда.

За ту долю секунды, пока она летела, он успел подумать много, но всё как-то не о том. Он прикинул, что при такой длине по нормативу полагалась автовышка, а это совсем другая расценка. Пожалел, что в контракте не было пункта о крупногабаритной наледи. И, кажется, впервые за двадцать лет подумал, что смета будущих расходов — не самое надёжное место для сосульки.

Хор допел куплет по инерции.

Последней мыслью мэра Краснозаборска была мысль не о жене в Черногории, не об Аркадии Семёновиче и даже не о пятнице. Последней его мыслью было:

«Сосулька… в смете… будущих расходов…»

Падая, он ещё приложился затылком о бордюр, просто для верности. Бордюр был бетонный. Виктор Павлович знал это лучше всех, гранитные бордюры сняли и вывезли на отделку областного санатория, принадлежащего главе области.

Потом стало темно и тихо. Очень, очень тихо, так тихо, как не бывает ни в одном городе, где кладут плитку.

Глава 2. Лунолесье

Первым вернулся запах.

Пахло липой. Не той пыльной липой, что цвела в июне вдоль улицы Ленина, где в запах мёда всегда подмешивались солярка и шаурма, а какой-то совершенно неприличной, концентрированной липой, будто кто-то пролил на мир флакон дорогих духов. К липе примешивались мох, тёплый камень и вода. Где-то журчала вода, и журчала она так, как вода журчит только в кино.

Потом вернулись звуки. Птицы. Много птиц, и ни одна из них не была вороной.

Виктор Павлович открыл глаза.

Над ним было чистое голубое небо без смога, без дыма труб от котельных.

Он осторожно потрогал затылок. Затылок был цел. Ни шишки, ни крови, ни повязки. Голова не болела, и это было самым подозрительным, потому что голова у Виктора Павловича не болела последний раз году в две тысячи седьмом.

Он лежал на мостовой.

Виктор Павлович сел и посмотрел вниз. Рефлекс сработал раньше, чем мысль: ладонь легла на камень и надавила. Так опытный терапевт пальпирует живот, так опытный мэр проверяет плитку.

Камень не шелохнулся.

Он надавил сильнее. Потом встал и, оглядевшись, не смотрит ли кто, попрыгал. Камень лежал так, будто его не клали, а он сам вырос из земли и решил остаться навсегда. Это была не плитка, это были крупные светлые плиты, чуть отливающие перламутром, подогнанные одна к другой так плотно, что между ними не пролезло бы лезвие. В швах не росла трава. Края не были сколоты. Посередине плиты были слегка истёрты — так истирается камень, по которому ходили не год и не десять лет.

Виктор Павлович присел на корточки и долго смотрел на этот стёртый камень. Он видел много мостовых. Он их, можно сказать, коллекционировал: принимал, подписывал, оплачивал, снова принимал. Но такой он не видел никогда. Это была мостовая, которую положили один раз.

Он поднялся, отряхнул брюки и только тогда заметил, что пальто на нём мокрое от мартовского снега, а вокруг стоит тёплый, безветренный, совершенно июньский день.

Улица спускалась к реке, и он пошёл вниз, потому что больше идти было некуда.

Дома здесь не строили, их, кажется, выращивали. Белый камень нижних этажей переходил в живое дерево верхних: стволы, толстые, как колонны областного драмтеатра, поднимались из стен и раскидывали над крышами кроны, а в развилках ветвей прятались балконы, мостки и круглые окна. Листья шелестели над головой, и в каждом окне стояли цветы. Не пластиковые. Виктор Павлович специально подошёл и потрогал.

Нигде не было заборов. Ни профнастила, ни сетки-рабицы, ни баннеров «Здесь будет». Ничего здесь не «будет», вдруг понял он. Здесь всё уже было, и давно.

У реки улица выходила на небольшую площадь. Посреди площади стоял фонтан, который

работал! И какой это был фонтан! О нет, это был привычный круглый бассейн с ржавой трубой по периметру и насадками изрыгающими струю воды как бы говорящую всем заинтере-

сованным: “фонтан, одна штука - есть”. Это было произведение искусства, заставившее Виктора Павловича остановиться. Вода поднималась из чаши, которую держали на плечах четыре каменные фигуры, высокие, с длинными узкими лицами, и падала обратно с тихим звоном, будто кто-то пересыпал серебро. Четыре фигуры изображали, судя по всему, времена года. Весна держала в свободной руке ветку в цвету, Лето — колосья, Осень — гроздь винограда, а Зима — сосульку, и Виктор Павлович отвёл от неё глаза. Каменные одежды были вырезаны так тонко, что казалось, подуй ветер, и складки шевельнутся. Над их головами вода не била струёй, а поднималась медленным витым столбом, похожим на стеклянную колонну. На самом верху столб раскрывался, как цветок, и рассыпался на десятки тонких нитей, которые сплетались в воздухе, будто кто-то невидимый заплетал косу. Нити падали в малые чаши, расставленные лесенкой одна под другой, переливались из чаши в чашу, и каждая звенела на свой лад. Виктор Павлович не сразу понял, что фонтан не просто звенит, а играет: тихую, неспешную мелодию без начала и конца. В брызгах над площадью висела радуга. Она не исчезала, когда он двигал головой, а оставалась на месте, словно её там закрепили навсегда. На дне большой чаши была выложена мозаика: ночное небо, две луны и звёзды из какого-то камня, который светился сквозь воду даже днём. Между звёздами лениво ходили золотые и алые рыбы. Вода была настолько прозрачной, что Виктор Павлович мог бы пересчитать на дне монеты, если бы хоть кто-нибудь догадался их туда бросить. Камень чаши позеленел от времени, но нигде не потрескался. На бортике лежала табличка с надписью, состоящей из сплошных завитков. Цифр в надписи Виктор Павлович не разобрал, но судя по тому, сколько лишайника наросло на табличке, фонтан был старше Краснозаборска. Старше вообще всего, что Виктор Павлович видел в жизни, кроме, пожалуй, Аркадия Семёновича.

Через реку вёл мост — горбатый, каменный, с перилами, увитыми плющом. Мост не красили. Его, судя по всему, вообще никогда не красили, и он от этого был только красивее, как бывает красиво лицо старого человека, который никогда не делал подтяжек.

Виктор Павлович сел на бортик фонтана.

Он не мог бы потом объяснить, сколько так просидел. Он не думал о смете. Он не прикидывал площадь. Он просто смотрел: на воду, на мост, на дома-деревья, на солнечные пятна на старом камне. В груди было странное, давно забытое чувство, и он не сразу подобрал ему название. Последний раз он испытывал его лет в восемь, когда отец впервые привёз его на море.

Глаза отчего-то защипало. Виктор Павлович списал это на сотрясение мозга.

Вывел его из этого состояния ребёнок.

Ребёнок стоял в двух шагах и разглядывал Виктора Павловича с тем вежливым, но ничем не скрываемым интересом, с каким разглядывают в зоопарке редкое животное. У ребёнка были светлые волосы до плеч, огромные серые глаза и уши. Уши заканчивались острыми кончиками, и кончики эти шевелились. Сразу вспомнились эльфы из фильмов.

— Здравствуй, мальчик, — сказал Виктор Павлович голосом, которым говорил на открытии детских площадок.

Ребёнок ответил. Ответ был длинный и музыкальный, будто кто-то провёл пальцем по струнам арфы, и не содержал ни одного знакомого звука. Затем ребёнок показал пальцем на его галстук и что-то спросил.

На площадь тем временем вышли взрослые. Они были высокие, стройные, в длинных одеждах неброских цветов, и двигались так неторопливо, будто впереди у них были века. Возможно, так оно и было. Уши у всех были такие же, как у ребёнка. Никто не бежал, никто не говорил по телефону, никто не ругался. Двое пожилых, если это слово вообще к ним подходило, сидели на скамье у моста и молча смотрели на воду. Виктор Павлович видел пенсионеров, сидящих на скамейке, и раньше, но у тех лица были такие, будто они ждут автобус, который отменили в девяностые. У этих лица были такие, будто они ничего не ждут, потому что всё, что нужно, у них уже есть.

К фонтану подошёл эльф в чём-то вроде лёгкого доспеха, с длинным посохом. По тому, как он держался, Виктор Павлович безошибочно опознал в нём должностное лицо. Должностных лиц он узнавал в любой одежде и, как выяснилось, в любом мире.

Эльф заговорил. Тон был вежливый, но с той специальной интонацией, которая во всех вселенных означает: «Гражданин, пройдёмте».

— Я мэр, — сказал Виктор Павлович и для убедительности показал на себя. — Мэр. Глава администрации Краснозаборска.

Эльф слушал с бесконечным терпением и ничего не понимал.

Тогда Виктор Павлович сделал то, что делал всегда, когда разговор с должностным лицом заходил в тупик. Рука сама нырнула во внутренний карман пальто, нащупала бумажник и извлекла из него пятитысячную купюру. Он сложил её пополам, привычным движением, ребром вниз, и вложил в ладонь стражника.

Эльф развернул купюру и стал её рассматривать.

Он рассматривал её долго. Поднёс к свету, разглядел водяной знак и одобрительно кивнул. Провёл пальцем по рельефу, полюбовался мостом на обороте и что-то сказал ребёнку. Ребёнок подошёл и тоже полюбовался. Подошли двое прохожих. Через минуту вокруг купюры стояла маленькая толпа, и все разглядывали её с тем уважительным интересом, с каким в музее разглядывают гравюру старого мастера.

Затем стражник аккуратно сложил купюру, с лёгким поклоном вернул её Виктору Павловичу, будто возвращал чужой подарок, слишком дорогой, чтобы его принять, и, коротко приложив руку к груди, пошёл дальше по своим делам.

Взятку у Виктора Павловича не взяли впервые в жизни. Он стоял с купюрой в руке и не знал, что чувствует: облегчение или оскорбление.

До вечера он бродил по городу.

Телефон показывал полную зарядку и отсутствие сети, а часы на экране застыли на 15:02, на минуте, когда хор допел куплет. Виктор Павлович убрал телефон и больше его не доставал.

Город был небольшой, тысяч на десять жителей, прикинул он по привычке. Ровно столько, сколько в Краснозаборске жило в одном микрорайоне Северный. Он обошёл его весь: рынок под полотняными навесами, где торговали фруктами, похожими на фрукты, но не вполне; мастерские, откуда доносился стук молотков; большое круглое здание с колоннами, судя по всему, местную администрацию. Возле администрации не было ни шлагбаума, ни охраны, ни очереди. Двери стояли открытыми настежь.

И нигде, ни на одной улице, ничего не ремонтировали.

Сначала он отметил это мимоходом, потом начал присматриваться, потом искать специально. Ни одной траншеи. Ни одного забора. Ни одного рабочего в оранжевом жилете. Ни одной кучи песка, ни одного поддона с плиткой, ни одной таблички с номером муниципального контракта. Город стоял, как стоит дуб, которому не нужны подпорки.

Когда стемнело, фонари вдоль реки зажглись сами. Никто к ним не подходил, никто не щёлкал рубильником. Они просто начали светиться мягким голубоватым светом, словно каждый из них вспомнил что-то хорошее.

Виктор Павлович сел на скамью у моста. Скамья была вырезана из цельного ствола, отполирована тысячами спин и тёплая, как печка. Он машинально поискал на ней табличку «Установлено в рамках программы…» и не нашёл.

Ночь была тихая. Река журчала. Над головой появились звёзды, их было неприлично много, и среди них висели две луны, большая и маленькая, будто кто-то заказал одну, а прислали две с наценкой.

Он думал о том, что, наверное, умер. Думал вяло, без страха, как думают о погоде на завтра. Думал, что в рай его вряд ли пустили бы, не тот послужной список, а для ада здесь

слишком красиво. Разве что ад устроен хитрее, чем рассказывают, и наказание в том, чтобы показать человеку, каким мог быть его собственный город.

А потом, уже засыпая, он подумал совсем о другом.

Если здесь ничего не ремонтируют, то куда девается бюджет?

Ведь бюджет у них должен быть. Администрация есть, стража есть, фонари есть. Значит, есть и казна. Значит, каждый год в неё что-то поступает. И это что-то никто не осваивает.

Эта мысль показалась ему противоестественной, как река, которая не течёт. Как плитка, которую не перекладывают. Как сосулька, которую… нет, о сосульках он думать не хотел.

Виктор Павлович повернулся на бок, подложил под голову пальто и уснул.

Впервые за двадцать лет ему не приснились ни сметы, ни Аркадий Семёнович.

Приснились деньги. Много денег, которые просто лежат.

Глава 3. Никто

Разбудил его вчерашний стражник.

Он не тряс за плечо и не стучал посохом по скамейке, как сделал бы любой краснозаборский патрульный. Он просто стоял рядом и ждал, пока Виктор Павлович проснётся сам. Судя по росе на его плаще, ждал он давно.

Когда Виктор Павлович сел, стражник учтиво поклонился и жестом пригласил следовать за ним. В жесте не было ни угрозы, ни нетерпения. Так приглашает метрдотель хорошего ресторана, а не милиционер. Виктор Павлович и сам собирался с утра отправиться на поиски какого-нибудь начальства. Ночь на скамейке привела его к ясному управленческому выводу: раз уж он здесь застрял, вопрос его дальнейшего пребывания надо решать официально и на самом высоком уровне. А тут начальство, можно сказать, само прислало за ним машину, пусть и пешую. Он встал, одёрнул пальто и пошёл за стражником с видом человека, которого наконец-то пригласили на совещание.

Пришли они в то самое круглое здание с колоннами. Внутри было светло, прохладно и пахло бумагой — нет, не бумагой, а чем-то вроде сушёных листьев. За длинным столом из светлого дерева сидел писарь: молодой эльф с лицом человека, который любит свою работу. Перед ним лежала толстая книга в кожаном переплёте, стояла чернильница и лежало перо.

Виктор Павлович почувствовал себя почти как дома. Канцелярия есть канцелярия.

Стражник что-то объяснил писарю. Писарь кивнул, обмакнул перо в чернила, посмотрел на Виктора Павловича и задал вопрос. Виктор Павлович на всякий случай назвался: фамилия, имя, отчество, должность. Писарь выслушал, не понял ни слова и с безграничным терпением задал вопрос снова..

Минут через пять выяснилось, что в книге есть графы. Виктор Павлович видел это по тому, как писарь водил пером от одной колонки к другой и вопросительно поднимал брови. Графа, судя по жестам, «откуда прибыл». Графа «к кому». Графа «род занятий» — тут писарь изобразил руками нечто похожее на молот, на прялку, на свиток и на лук и посмотрел вопросительно. Виктор Павлович изобразил подписание документа. Писарь задумался, полистал толстый справочник и развёл руками.

И ни в одну графу Виктор Павлович не помещался.

Писарь привёл второго писаря, постарше. Второй писарь привёл третьего, совсем седого, с ушами, острыми, как канцелярские кнопки. Все трое долго совещались над книгой, листали справочники, сверялись с каким-то древним свитком, который принесли из глубины здания с такой бережностью, будто несли новорождённого. Совещание шло неторопливо, по-эльфийски, и Виктор Павлович, который за свою жизнь видел немало совещаний, с профессиональным уважением отметил, что за полтора часа никто ни разу не повысил голос и никто не предложил «решить вопрос в рабочем порядке».

Наконец седой писарь взял перо и аккуратно вывел в книге короткое слово. Подул на чернила. Повернул книгу к Виктору Павловичу и ткнул в слово пальцем, а потом указал на него самого.

Позже, когда он выучил язык, Виктор Павлович узнает, что слово это означало «Пока-никто». Это была особая, древняя категория, предусмотренная законом для подкидышей, потерявших память путников и тех, кто ещё не нашёл своего места. Пока-никто не платил податей, не имел права голоса, не мог владеть землёй и не мог занимать должностей.

Но тогда он просто смотрел на завитушку в чужой книге и думал о том, что двадцать лет его фамилия стояла на каждой бумаге в городе. На табличках, на бланках, на открытках к Дню пожилого человека. А здесь его вписали одним словом, и слово это было самым коротким в книге.

Из канцелярии его отпустили с вежливым поклоном и ни с чем.

К полудню Виктор Павлович понял, что голоден. Голоден по-настоящему, не так, как бывает голоден человек, пропустивший обед из-за затянувшейся планёрки, а так, как не был голоден с армии. Последний раз он ел в Краснозаборске, вчера утром. Или позавчера. Или, учитывая обстоятельства, вообще в прошлой жизни.

Он пошёл на рынок.

Рынок пах так, что у Виктора Павловича закружилась голова. Тёплый хлеб с какими-то травами. Сыры, круглые и золотые. Фрукты, похожие на груши, но фиолетовые, и похожие на сливы, но размером с кулак. Мёд в сотах. Над жаровней у края площади пожилой эльф переворачивал лепёшки, и от этого зрелища Виктор Павлович чуть не застонал вслух.

Платили здесь мелкими монетами, серебряными и медными, с отверстием посередине. У Виктора Павловича были рубли, банковская карта, скидочная карта торговой сети и пропуск в здание областной администрации. Он попробовал предложить торговке пятитысячную купюру. Торговка, как и вчерашний стражник, долго любовалась мостом на обороте и показала купюру соседке. Та одобрительно поцокала языком: эльфам, видимо, пришлась по душе картинка с завитушками и непонятными надписями из чужого мира. В обмен торговка протянула ему одну фиолетовую грушу. Виктор Павлович подумал и согласился.

Грушу он съел у фонтана, вместе с косточками. Она была восхитительна. Это была самая дорогая груша в истории двух миров, и она того стоила.

Доедая последнюю косточку, Виктор Павлович провёл оперативное совещание. Сам с собой, зато без регламента и в отличном темпе.

Ситуация была ясна. Он находится неизвестно где, но, судя по всему, надолго. Вернуться — неизвестно как. Значит, надо обустраиваться. Задачи первоочередные: язык, жильё, доход. Без языка не будет ни жилья, ни дохода. Без дохода не будет ничего. Без жилья, если уж на то пошло, тоже, но одну ночь на скамейке он пережил и вторую переживёт.

Двадцать лет он начинал каждый день со списка задач и не видел причин менять привычку из-за такой мелочи, как смена мира. Он мысленно расчертил лист, проставил сроки и назначил ответственного. Ответственным, за неимением подчинённых, пришлось назначить себя.

К вечеру голод вернулся. В бумажнике оставалось ещё несколько купюр, а в карманах лежали часы, телефон, золотая ручка и запонки. Но Виктор Павлович был кем угодно, только не дураком. Вещи из его мира были здесь единственными в своём роде, а единственное в своём роде на груши не меняют. Это он усвоил ещё в девяностые, когда на его глазах люди отдавали ваучеры за бутылку. Купюры тоже стоило поберечь: кто знает, сколько ещё эльфам понадобится картинок с мостом. Капитал надо не проедать, а приумножать.

Оставалось работать.

Виктор Павлович прошёлся по мастерским, показывая жестами, что готов трудиться за еду. Гномов-кузнецов он ещё не встречал, но эльф-плотник оказался приветлив. Он дал ему рубанок и брусок и жестом предложил показать, что он умеет.

Оказалось, что Виктор Павлович не умеет ничего.

Он не умел строгать. Не умел класть камень. Не умел шить, прясть, ковать, печь хлеб, подковывать лошадь и чинить крышу. Он помнил, как выглядит смета на ремонт крыши, мог с точностью до рубля сказать, сколько стоит квадратный метр кровельного железа и как его списать в два раза больше. Но если бы ему сейчас дали в руки молоток и кровельное железо, он не смог бы забить ни одного гвоздя.

Это открытие было неприятнее голода.

Двадцать лет он руководил строительством, благоустройством, ремонтом, озеленением и содержанием дорог. Двадцать лет его называли «крепким хозяйственником». И за двадцать лет он ни разу ничего не построил сам. Ни скамейки. Ни скворечника.

Эльф-плотник мягко забрал у него рубанок, посмотрел на испорченный брусок с сочувствием, с каким смотрят на сломанную игрушку чужого ребёнка, и, не говоря ни слова, отдал ему половину своего обеда.

Виктор Павлович взял. Он многое брал в жизни, но впервые взял то, что ему просто дали.

Утром Виктор Павлович взялся за первый пункт плана.

Он рассуждал так. Язык здесь учат все, просто большинство начинает лет в пять. Значит, где-то есть место, где его учат с нуля тех, кто не знает ни слова. В Краснозаборске такое место называлось школой, и Виктор Павлович не видел причин, почему в Лунолесье должно быть иначе.

Он сел у фонтана и стал наблюдать. Через полчаса картина сложилась. Дети с грифельными досками под мышкой стекались с разных улиц в одну сторону, к западной окраине. Виктор Павлович встал и пошёл следом, держась на почтительном расстоянии, чтобы не напугать родителей.

Школа оказалась поляной под огромным деревом, таким широким, что его крона накрывала поляну целиком, как купол. Под кроной полукругом стояли низкие скамьи, перед ними грифельная доска на треноге. У доски стояла старая эльфийка.

Она была первым лицом в Лунолесье, на котором время оставило следы так же, как на камне фонтана: не трещинами, а мягкой патиной. Волосы у неё были совершенно белые и заплетены в косу, обёрнутую вокруг головы. На носу сидели круглые очки в тонкой оправе. Мелом она рисовала на доске дерево и называла его, а дети хором повторяли.

Виктор Павлович прошёл на последний ряд и сел на скамью. Скамья была рассчитана на эльфа лет семи, и колени мэра Краснозаборска оказались где-то в районе подбородка. Двадцать детских голов разом повернулись к нему. Кто-то хихикнул. Виктор Павлович сделал вид, что так и было задумано, взял с соседней скамьи свободную дощечку и уставился на доску с видом лучшего ученика.

Учительница посмотрела на него поверх очков. Помолчала. А потом, не сказав ни слова, нарисовала на доске следующее слово и продолжила урок.

До конца занятий он выучил одиннадцать слов: дерево, вода, камень, хлеб, дом, солнце, птица, рука, глаз, «да», «нет». Дети произносили их легко, а он ломал язык и повторял снова, пока соседка по скамье, серьёзная девочка с косичками, не начала шёпотом его поправлять.

Когда дети разбежались, Виктор Павлович подошёл к доске. Время было переходить к пункту второму.

Переговоры с одиннадцатью словами в запасе требовали изобретательности, но он двадцать лет вёл переговоры с людьми, которые говорили на одном с ним языке и при этом не понимали ни слова, так что опыт у него был. Он показал на себя, потом на доску, потом на свой рот и изобразил, как говорит. Учить. Он хочет учиться. Потом показал на себя, сложил

ладони под щекой и вопросительно поднял брови. Дом? Потом, подумав, достал из бумажника пятитысячную купюру и протянул ей. Купюры он берёг, но это было не проедание капитала. Это были инвестиции в образование.

Эльфийка купюру рассмотрела с вежливым интересом и вернула. Потом показала на себя:

— Аэлинор.

— Виктор, — сказал он и, подумав, добавил: — Павлович.

— Виктор-Павлович, — серьёзно согласилась Аэлинор, приняв отчество за часть имени, и оно таким и осталось для неё навсегда.

Дальше объясняла она. Объясняла жестами и рисунками, медленно и терпеливо, как объяснила бы первокласснику. Она показала на поляну, на скамейки, на доску и на себя: здесь она учит детей. Потом показала на него, на доску и на заходящее солнце: его она будет учить по вечерам, отдельно. Потом нарисовала дерево, а в дереве окно, а в окне маленькую кровать. Показала на кровать, потом на него.

Виктор Павлович прикинул условия. Бесплатный преподаватель. Бесплатное жильё. Никаких откатов, никаких встречных обязательств, никаких «ты же понимаешь, Витя». Это была самая выгодная сделка в его жизни, и он, опытный переговорщик, никак не мог найти в ней подвоха.

— Спасибо, — сказал он по-русски, потому что эльфийского «спасибо» в его одиннадцати словах ещё не было.

Аэлинор повторила за ним, медленно, старательно, пробуя слово на вкус:

— Спа-си-бо.

Получилось у неё удивительно похоже, только мягче, будто в слово добавили немного мёда.

Жила она в доме-дереве на краю города, у самого леса. Дерево было огромным и, кажется, старше самого Лунолесья. В его стволе, на трёх ярусах, помещались кухня с круглой печью, спальня и комнаты, заставленные книгами от пола до потолка. Книги лежали на полках, на стульях, на подоконниках, на лестнице. Пахло воском, мелом и сушёной мятой.

Ему отвели маленькую комнату на нижнем ярусе, с узкой кроватью и окном, выходящим в лес. Виктор Павлович лёг на кровать, не раздеваясь, и минуту смотрел в потолок, по которому скользили тени листьев.

У него в жизни было три квартиры, дом в Черногории и дача на Заборке с гаражом на две машины. Но, лёжа на узкой кровати в чужом дереве, он вдруг поймал себя на мысли, что впервые за много лет его пустили к себе домой просто так. Не потому, что он мэр. Не потому, что от него что-то нужно.

От этой мысли ему стало неловко, и он поскорее уснул. Засыпая, он с удовлетворением отметил, что два пункта из трёх выполнены за один день. Оставался доход.

Учила его Аэлинор каждый вечер, после того как возвращалась из школы.

Метод у неё был простой и, как всё в Лунолесье, неторопливый. Она показывала предмет и называла его. Он повторял. Она поправляла. Он повторял снова. Чашка. Стол. Окно. Дерево. Хлеб. Вода. Если предмета под рукой не было, она рисовала его на грифельной доске — быстро, точно, несколькими линиями, так что даже облако у неё выходило узнаваемым.

Язык давался тяжело. В нём было семь способов сказать «вода», в зависимости от того, текла ли она, стояла, падала с неба, была выпита или только ещё ожидала, когда её выпьют. Глаголы менялись по временам года. А для того, чтобы сказать «я», существовало три слова: одно для того, кто говорит о себе с уверенностью, другое для того, кто сомневается, и третье, совсем старое, для того, кто ещё не знает, кто он такой. Аэлинор учила его третьему.

На пятый вечер Виктор Павлович решил, что пора применить обаяние.

Обаяние было его главным рабочим инструментом. Двадцать лет оно открывало ему кабинеты, бюджеты и сердца членов областных комиссий. Он умел сказать начальнику, что тот выглядит отдохнувшим, умел вспомнить имя внучки нужного человека, умел улыбнуться так, что собеседник начинал чувствовать себя единственным разумным существом в комнате.

Словарный запас у него к тому времени был небольшой, но он справился. Он показал на рисунки на грифельной доске, на книги, на саму Аэлинор и, подбирая слова, сообщил ей, что она очень умная, очень красивая и что её дом самый лучший дом в городе.

Аэлинор выслушала. Сняла очки, протёрла их краем рукава и снова надела. Посмотрела на него поверх стёкол долгим, спокойным взглядом. Так, наверное, смотрела Анна Тихоновна на его тетради по геометрии, когда в них были списанные задачи.

Потом она взяла мел и нарисовала на доске лису. Очень похожую лису, с хитрой мордой и пушистым хвостом. Назвала её. Он повторил. Она кивнула, указала мелом на него и, ничего не добавив, перешла к следующему слову.

Больше Виктор Павлович обаяние на ней не применял.

Прошёл месяц. Он уже мог объясниться на рынке, поздороваться с соседями и спросить дорогу. Мог понять, о чём говорят на улице, если говорили медленно. Он заметил, что спрашивает уже не «как это называется?», а «почему так?», и Аэлинор, кажется, этому радовалась.

Однажды вечером, когда они сидели у печи, она отложила книгу и сказала, тщательно подбирая простые слова, чтобы он понял:

— Виктор-Павлович. Руки у тебя неумелые. Я видела, ты пробовал у плотника.

Он пожал плечами. Отпираться было глупо.

— Но глаза у тебя внимательные, — продолжила Аэлинор. — Очень внимательные. Я смотрю, как ты ходишь по городу. Ты видишь то, чего не видят другие. Где камень лёг неровно. Где вода уходит не туда. Где что сколько стоит. Это редкий дар. У нас мало кто так смотрит. Нам кажется, что всё и так хорошо.

Она помолчала, глядя в огонь.

— Мой старый друг служит инженером-смотрителем. Ему нужен помощник. Ничего сложного: ходить, смотреть, записывать. Я попрошу его. Такие глаза не должны пропадать зря.

Виктор Павлович поблагодарил её, самым вежливым из выученных слов.

Потом он долго не мог уснуть. Лежал, слушал, как шуршат листья в кроне дома, и думал, что Аэлинор права. Глаза у него действительно были внимательные. Он действительно видел, где что сколько стоит.

Он только не стал говорить ей, что именно эти глаза обычно видят дальше.

Глава 4. Помощник смотрителя

Инженера-смотрителя звали Тальвен, и на первый взгляд Виктор Павлович принял его за статую.

Тальвен стоял на коленях посреди мостовой у старого моста, приложив ухо к камню, и не шевелился. Был он высок даже для эльфа, худ, как жердь, сед до прозрачности и одет в кожаный фартук, весь в известковых пятнах. Рядом с ним лежал маленький молоточек с длинной тонкой рукоятью. Аэлинор, которая привела Виктора Павловича знакомиться, остановилась в нескольких шагах и сделала ему знак не мешать.

Ждали минут десять. Потом Тальвен легонько стукнул молоточком по камню, послушал ещё, удовлетворённо кивнул, будто камень сообщил ему что-то приятное, и только тогда поднялся.

— Он слушает, как они себя чувствуют, — объяснила Аэлинор Виктору Павловичу медленно и простыми словами. — Камни.

— И как они себя чувствуют? — спросил Виктор Павлович, с трудом собрав фразу.

Тальвен посмотрел на него сверху вниз, долго и внимательно, точно так же, как только что смотрел на камень.

— Хорошо, — сказал он. — Им всего триста двенадцать лет.

Мастерская Тальвена располагалась в старой башне у городской стены. Внизу хранились инструменты: молотки всех размеров, долота, кельмы, уровни из стекла и бронзы, мешки с известью, бочки с чем-то, что пахло смолой. Всё было разложено с такой аккуратностью, с какой в Краснозаборске раскладывали только папки к приезду губернатора. На втором этаже стоял огромный стол, а на стенах висели чертежи.

Чертежей Виктор Павлович видел много. Ему их приносили на подпись проектные институты, подрядчики и собственный архитектурный отдел, и он подписывал не глядя: всё равно строить будут не по ним. Но эти чертежи он рассматривал долго. Это был план всего Лунолесья, выполненный тушью на тонкой выделанной коже: каждая улица, каждый мост, каждый водосток. Под каждой улицей тонкими линиями было вычерчено, что лежит под мостовой, слой за слоем, на глубину в рост эльфа.

— Это сделал первый смотритель, — сказал Тальвен. — Когда город мостили. До того здесь триста лет ходили по траве. С тех пор чертёж только расширялся.

— Расширялся? — переспросил Виктор Павлович. — Без перестройки центра?

— А зачем перестраивать? — удивился Тальвен. — Центр и так хорош. Город рос вокруг него, как кольца у дерева.

Обязанности помощника Тальвен объяснил коротко. Ходить с ним на обходы. Носить сумку с инструментами. Записывать в Книгу Камня то, что он скажет. Как раз и практика письма по-эльфийски Виктору Павловичу будет.

Жалованье помощнику полагалось скромное: три серебряные монеты в месяц. Виктор Павлович согласился сразу, не торгуясь. Двадцать лет службы научили его простой истине: на любой должности главное не оклад, а то, что к нему прилагается. Мысль эта пришла сама, без спроса, как сама ложится в ладонь рукоять привычного инструмента. Виктор Павлович её даже не заметил. А она устроилась где-то глубоко, тихо и терпеливо, как взведённый механизм, которому некуда спешить: своего часа он всё равно дождётся.

Обходы начинались на рассвете и шли неторопливо, как всё в Лунолесье.

Тальвен знал каждый камень в городе. Не в переносном смысле, а в самом прямом. Он мог остановиться посреди улицы, ткнуть молоточком в плиту, ничем не отличавшуюся от соседних, и сказать: «Этот положил мастер Эрендил, в год большого снега. Он всегда клал чуть наискось, по-своему, видишь?» Виктор Павлович смотрел и, к собственному удивлению, начинал видеть.

На третий день они дошли до места, где через мостовую тянулась узкая канавка водостока, и Тальвен вынул одну плиту, чтобы прочистить решётку. Виктор Павлович заглянул в открывшуюся дыру и замер.

Под плитой был щебень. Крупный, утрамбованный так плотно, что казался единым камнем. Под щебнем, судя по чертежу, который Тальвен развернул тут же на мостовой, шёл слой песка, под ним глина, под глиной ещё один слой щебня, мельче, а в самом низу дренаж из обожжённых глиняных труб. Всё как на чертеже. Всё до последнего слоя.

Виктор Павлович опустился на колени, просунул руку в дыру и потрогал щебень. Щебень был настоящий.

Двадцать лет он подписывал акты скрытых работ на «устройство щебёночного основания». Двадцать лет это основание существовало в той же реальности, что и альпинисты ООО «Вершина»: на бумаге, в смете и в отчёте для области. Он никогда, ни разу в жизни не видел его своими глазами. И вот оно лежало перед ним, в чужом мире, триста двенадцать лет как уложенное, ровное, честное, по чертежу.

Он почувствовал себя так, как, наверное, чувствует себя атеист, которому внезапно показали чудо.

— Сколько камней вы меняете за год? — спросил он Тальвена, когда тот вернул плиту на место.

Тальвен задумался. Думал он долго, перебирая что-то в памяти.

— За год? — переспросил он наконец. — Нисколько. Последний раз меняли камень сорок лет назад. Гномий торговец уронил с телеги наковальню. Камень треснул. Мы его заменили. Это было большое событие, о нём есть запись в Книге Камня.

— Один камень. За сорок лет.

— А до того, — продолжил Тальвен, не заметив интонации, — лет за сто.

Виктор Павлович посмотрел на мостовую, уходившую вдаль, к мосту и фонтану. В Краснозаборске за сорок лет эту мостовую переложили бы раз двадцать. Он мог бы прямо сейчас, не сходя с места, прикинуть, во что обошлось бы каждое перекладывание. Он машинально начал прикидывать и тут же остановил себя. Не время.

— А сколько она стоила? — спросил он. — Когда её клали?

Тальвен посмотрел на него с недоумением, как будто его спросили, сколько стоил восход солнца.

— Не помню, — честно сказал он. — Это было давно. Заплатили один раз.

Заплатили один раз. Виктор Павлович повторял эту фразу про себя весь обратный путь и никак не мог к ней привыкнуть. Она звучала как строчка из сказки. Как «жили долго и счастливо».

Первое жалованье Тальвен выдал ему в конце месяца, отсчитав три серебряные монеты с отверстием посередине из маленького кожаного кошелька. Выдал без ведомости, без подписи и без вычетов. Просто положил на ладонь и кивнул.

Виктор Павлович долго смотрел на монеты.

За свою жизнь он держал в руках суммы, рядом с которыми эти три кружочка серебра были пылью. Он подписывал бюджеты на сотни миллионов. Он однажды передал Аркадию Семёновичу спортивную сумку, которую с трудом поднял одной рукой. Но эти три монеты были первыми деньгами за последние двадцать лет, которые он получил за то, что действительно сделал. Он ходил. Он носил сумку. Он зарисовывал камни. Он научился отличать по звуку здоровую плиту от плиты, которая начинает уставать. Это была работа. Настоящая, простая, честная работа, и ему за неё заплатили.

На одну монету он купил на рынке медовые соты, круглый сыр и букет каких-то синих цветов, похожих на колокольчики.

Аэлинор, увидев цветы, подняла брови, но ничего не сказала. Поставила их в кувшин на подоконнике и пошла за второй тарелкой.

В тот вечер Виктор Павлович говорил много. Слов ему не хватало, он путал времена года в глаголах и трижды сказал «вода, которую уже выпили» там, где имел в виду «реку», но остановиться не мог. Он рассказывал про щебень под плитой. Про слои на чертеже, которые оказались настоящими. Про мастера Эрендила, который клал камни чуть наискось. Про наковальни, которые роняют гномы. Он рисовал на грифельной доске разрез мостовой, слой за слоем, и тыкал мелом в дренажные трубы с таким восторгом, с каким дети показывают найденную на пляже ракушку.

Аэлинор слушала, подперев щёку рукой. Она улыбалась. Не той вежливой улыбкой, которой улыбалась его обаянию, а другой, тёплой, как улыбаются учителя, когда у ученика что-то наконец получилось.

А потом Виктор Павлович вдруг замолчал на полуслове.

Он вспомнил Соборную площадь. Плитку «гранитную премиум», уложенную прямо в мартовский снег на старый асфальт. Анну Тихоновну перед траншеей с досточкой. Яму Загребинку, которая носила его имя. Он не вспоминал их с самого первого дня. А теперь вспомнил, и все разом, будто кто-то включил свет в комнате, где он долго сидел в темноте.

Ведь можно было и так. Можно было положить один раз. С щебнем. По чертежу. И Анна Тихоновна дошла бы до поликлиники.

— Что-то случилось? — спросила Аэлинор.

— Нет, — сказал Виктор Павлович. Это было единственное эльфийское слово, которое он мог сейчас найти. — Нет. Ничего.

Он стёр с доски свой разрез мостовой и рано ушёл спать. Но заснул не скоро. А когда заснул, ему снилась Соборная площадь, и сквозь новую плитку на ней прорастала трава.

В конце лета Тальвен готовил годовой отчёт для Совета Старейшин и попросил помощника переписать цифры начисто.

К тому времени Виктор Павлович уже сносно читал по-эльфийски. Цифры давались ему легче всего: цифры, как он давно знал, везде говорят на одном языке. Тальвен достал с верхней полки башни толстую книгу в потёртом зелёном переплёте, сдул с неё пыль и положил на стол.

— Книга расходов службы, — пояснил он. — Перепиши итоги за этот год. Внизу, где подведена черта.

И ушёл вниз, к своим камням.

Виктор Павлович открыл книгу на последней исписанной странице. Записи шли столбцом, аккуратным почерком Тальвена. Слева то, что поступило из городской казны на содержание камня. Справа то, что потрачено.

Слева стояла сумма. Справа стояло: «Лопата, одна. Известь для фонтана, два мешка. Новая рукоять для молотка. Жалованье помощнику». Внизу черта. Под чертой разница, и рядом пометка: «Отложено на Артефакт связи».

Он перелистнул страницу назад. Прошлый год. Слева та же сумма. Справа «известь, одна бочка; починка решётки водостока». Под чертой: «Отложено на Артефакт связи».

Он листал дальше. Год за годом. Десятилетие за десятилетием. Почерки менялись, Тальвен сменил предыдущего смотрителя, тот своего предшественника, а записи оставались такими же. Слева сумма. Справа лопата, известь, наковальня. Внизу: «Отложено на Артефакт связи».

Добравшись до самой первой страницы, исписанной выцветшими чернилами, он вернулся в конец и нашёл строку, где стоял итог резерва на нынешний год. Виктор Павлович перевёл его в уме, сначала в золото, потом, по привычке, в рубли по самому скромному курсу, и у него закружилась голова, как в первый день на рынке от запаха хлеба.

В самом конце книги, на отдельном листе, были сложены все переносы за триста двенадцать лет. Итог не умещался в одну строку.

Что такое Артефакт связи, он знал от Аэлинор. Это были парные кристаллы, огранённые особым образом: один ставят в Лунолесье, другие в столице и в соседних графствах, и через них можно говорить так, будто собеседник стоит рядом. Лунолесье лежало в двух неделях пути от столицы. Вести сюда шли медленно, лекаря в трудный год приходилось ждать месяц, а торговые дома узнавали о здешних ярмарках, когда ярмарки давно заканчивались. Кристаллы гранили только мастера столицы, и стоили они дороже всего Лунолесья вместе с фонтаном. Город копил на них с тех пор, как замостили улицы и первый смотритель завёл свою книгу, монету к монете, лопату к лопате. По расчётам казначея, до нужной суммы оставалось лет пять.

Виктор Павлович закрыл книгу. Положил на неё ладони. Посидел так.

За окном башни светило солнце. Внизу, у моста, Тальвен стоял на коленях и слушал камень. Где-то вдалеке пел фонтан. На подоконнике у Аэлинор, наверное, ещё стояли в кувшине синие колокольчики.

Он думал о траве, прорастающей сквозь плитку. О том, что можно положить один раз. О трёх серебряных монетах, честно заработанных.

И одновременно, где-то глубже, тихо и ровно, как работает исправный механизм, в нём уже щёлкало: резерв, который никто не трогает. Триста лет копят на одну-единственную вещь, а вещи всё нет. Сумма, которая лежит. Просто лежит. И будет лежать ещё пять лет.

Он снова открыл книгу на последней странице, обмакнул перо и аккуратно, красивым почерком, без единой помарки, переписал итог для Совета. Ровно столько, сколько стояло под чертой. Ни монетой больше, ни монетой меньше.

Впервые с того дня, как он открыл глаза на мостовой, Виктор Павлович почувствовал себя по-настоящему дома.

Глава 5. Глаз

Камень раскололся в начале осени, во вторник, около полудня, и Виктор Павлович видел это своими глазами.

Они с Тальвеном как раз заканчивали обход у рынка. Тальвен стоял на коленях у водостока, а Виктор Павлович, с сумкой инструментов через плечо, от нечего делать наблюдал за улицей. По улице, переваливаясь, ползла гномья телега, гружённая мельничными жерновами. Правил ею коренастый рыжебородый гном, и правил так, как в Краснозаборске водят маршрутки: с азартом, руганью и полным пренебрежением к физике.

У въезда на рынок телеге нужно было свернуть и подняться с проезжей части на площадь. И тут Виктор Павлович впервые обратил внимание на бордюр.

Бордюры в Лунолесье были высокие, по колено эльфу, с острой гранью, вытесанные из того же светлого перламутрового камня, что и мостовая. Эльф перешагивал их, не замечая. Для гномьей телеги это была крепостная стена.

Гном стегнул пони, телега рванулась, переднее колесо наскочило на бордюр, подпрыгнуло и с хрустом слетело с оси. Телега завалилась набок. Верхний жернов соскользнул и всей своей тяжестью ударил краем в плиту у самого бордюра.

Звук был такой, будто лопнула огромная струна.

Тальвен поднял голову. Гном спрыгнул с козел, обошёл телегу, посмотрел на колесо, на жернов, на расколотую плиту и разразился речью. Говорил он по-гномьи, но Виктору Павловичу перевод не требовался. Эту интонацию он слышал на каждом выездном совещании на объекте: смесь отчаяния, ярости и глубокого убеждения, что во всём виновато начальство.

Тальвен подошёл, опустился на колени перед плитой, послушал. Стукнул молоточком. Покачал головой.

— Заменять, — сказал он печально.

Гном перешёл на эльфийский, с таким акцентом, что Виктор Павлович, к своему удовольствию, понимал его даже лучше, чем эльфов.

— Смотритель, — сказал он, тыча пальцем в бордюр, — это уже третье колесо за месяц. Третье! У меня возчики въезд на рынок зовут штурмом крепости. Полурослики вообще носят товар на руках, потому что их тачки сюда не влезают. Вы, эльфы, ходите, как цапли, вам что, а нам каждый раз…

Он махнул рукой, не договорив, и пнул отвалившееся колесо.

Тальвен выслушал вежливо и сочувственно. Но по лицу его было видно, что сама мысль о том, что бордюр может быть кому-то неудобен, никогда прежде не приходила ему в голову. Бордюры лежали здесь триста двенадцать лет. Их положил первый смотритель. Они были частью города, как деревья и река.

— Я дам камень для замены, — буркнул гном, остывая. — За свой счёт. Моя телега, моя вина.

Тальвен благодарно склонил голову и вернулся к водостоку.

А Виктор Павлович остался стоять у бордюра. Он смотрел на него так, как не смотрел ещё ни на один камень в Лунолесье. Не с восхищением, не с благоговением. С профессиональным интересом.

Он чувствовал, как внутри что-то тихо стронулось с места. Как будто механизм, давно взведённый и терпеливо ждавший своего часа, наконец услышал знакомый звук.

Гном, уже собираясь уходить, обернулся и на долю секунды встретился с ним взглядом. Взгляд у гнома был маленький, умный и очень внимательный. Такой взгляд Виктор Павлович видел каждый день. В зеркале.

— Горм, — представился гном. — Каменоломня за рекой. Заходи, не-эльф. Мне кажется, нам с тобой есть о чём поговорить.

Каменоломня мастера Горма начиналась сразу за рекой и выглядела как единственное место в округе, где кто-то по-настоящему торопился.

По склону холма ползли уступы. На уступах стучали кирки, визжали пилы, скрипели блоки и канаты. Гномы носились с тачками, бранились, хохотали, сплёвывали, и Виктор Павлович, впервые за полгода, почувствовал себя на совещании подрядчиков. Почти растрогался.

Сам Горм сидел в дощатой будке у входа, за столом, заваленным расписками и обрезками камня. Перед ним стояли весы с бронзовыми гирьками, кружка пива и счёты с косточками из разноцветного камня. Второй кружки на столе не было, но Горм, не вставая, достал её из-под стола, будто держал там специально для этого случая.

— Садись, — сказал он. — Пиво гномье. Эльфам не наливаю, у них от него уши краснеют.

Начали они издалека. Горм пожаловался на бордюры, на возчиков, на колёса, на цены на дёготь и на эльфов, которые двести лет покупают у него камень и ни разу не поторговались.

— Знаешь, как это обидно для мастера? — сказал он с искренней горечью. — Называешь цену, а тебе кланяются и платят. Не с кем душу отвести.

Виктор Павлович слушал, кивал и пил пиво. Пиво было отличное. Потом он спросил, будто между прочим:

— А старый эльфийский камень, тот, что в бордюрах, он сколько стоит?

Горм поставил кружку. Посмотрел на него долгим взглядом.

— Нисколько, — сказал он медленно. — Потому что его не продают. Никогда. Эльфы свой камень не меняют, сам видел. Он у них триста лет лежит и ещё триста пролежит.

— А если бы продавали?

Горм помолчал. Потом оглянулся на дверь, хотя за дверью никого, кроме гномов, не было, и понизил голос:

— Если бы продавали, за него в подгорных городах дали бы вес в серебре. На южных ярмарках у полурослико в — вес в золоте. Камень первых мастеров, с перламутром, выдержанный три века? Им облицовывают тронные залы. Из обломка величиной с кулак делают оберег для колыбели. Его, — Горм постучал по столу, — с руками оторвут.

Виктор Павлович отставил кружку.

И это случилось. Не как озарение, не как вспышка. Скорее, как в старом здании, когда опытный инженер ещё на пороге, не успев снять шапку, видит трещину в несущей балке. Он её не ищет. Он, может быть, пришёл в гости, на чай. Но взгляд сам цепляется за едва заметную тень на штукатурке, и инженер уже знает всё: где просядет, куда пойдёт нагрузка, как всё рухнет. Он не виноват, что видит. Его так научили.

Виктор Павлович увидел схему целиком, от первого звена до последнего, как видел их в Краснозаборске. Только в Краснозаборске ему всегда мешали: проверки, журналисты, неравнодушная общественность. А здесь не мешало ничто. Схема лежала перед ним чистая, как свежий чертёж, и в ней не было ни одного лишнего человека.

Он изложил её Горму за четверть часа. Гном слушал, не перебивая, и с каждой минутой его рыжие брови поднимались всё выше, пока не скрылись под шапкой. Когда Виктор Павлович закончил, Горм долго молчал. Потом взял счёты и пощёлкал косточками. Пощёлкал ещё раз. Отодвинул счёты.

— Двести лет, — сказал он наконец, и в голосе его звучало что-то похожее на благоговение. — Двести лет я ждал, когда в этом городе появится хоть кто-нибудь, с кем можно иметь дело.

Он протянул через стол широкую, как лопата, ладонь. Виктор Павлович пожал её. Рукопожатие у гнома было крепкое и сухое. Деловое.

Начал Виктор Павлович с конторы.

В канцелярии его встретили те же три писаря, что когда-то полтора часа вписывали его в книгу Пока-никто. Встретили радушно, как старого знакомого. Виктор Павлович объяснил, что хочет открыть мастерскую. Не простую мастерскую, а такую, которая сама ничего не делает, но берётся за работу, нанимает для неё мастеров и следит, чтобы работа была исполнена. Посредник, если угодно.

Писари переглянулись. Такой мастерской в Лунолесье ещё не было. Мастер в Лунолесье всегда делал работу сам, иначе какой же он мастер.

Совещались снова долго. Снова принесли из глубины здания древний свиток. Самый старший писарь, с ушами, как канцелярские кнопки, водил пальцем по строкам и шевелил губами. Наконец он поднял голову.

— Пока-никто не может владеть землёй, — прочёл он. — Не может занимать должностей. Не может голосовать. Про мастерские закон ничего не говорит.

— Значит, можно? — уточнил Виктор Павлович.

Писарь посмотрел в свиток ещё раз, будто надеясь, что там что-нибудь появится.

— Значит, не запрещено, — сказал он с лёгким недоумением. — А то, что не запрещено законом…

Он не договорил, потому что такие фразы в Лунолесье произносили редко и неохотно. Но перо обмакнул.

— И ещё, — добавил он, сверившись со свитком. — Пока-никто не платит податей. Значит, и мастерская Пока-никто…

— Не платит, — мягко подсказал Виктор Павлович.

Писарь кивнул и записал.

Контору Виктор Павлович назвал «Ровный путь». Название он придумал ещё по дороге из каменоломни, и оно ему нравилось. Звучало солидно, по-эльфийски, и в нём было что-то от «Благоустрой-Плюса», только с перламутровым отливом.

С Тальвеном он заговорил через неделю, вечером, в башне.

Начал не с бордюров, а с гостей. С того, как гномьи возчики называют въезд на рынок штурмом крепости. С того, как полурослики носят товар на руках. С того, что Лунолесье, город, известный своим гостеприимством на всё графство, встречает гостей стеной по колено.

— Сегодня плита, — сказал он тихо. — А завтра?

Он выдержал паузу. Двадцать лет он выдерживал такие паузы на совещаниях, и все они были рассчитаны до секунды.

— Завтра под колесо может попасть ребёнок полуслика.

Тальвен побледнел. Виктор Павлович и не знал, что эльфы умеют так бледнеть.

На Совет Старейшин заявку смотрителя принесли через три дня. Тальвен изложил её сам, сбивчиво, с непривычным для него волнением. Старейшины слушали, и по мере того как он говорил, лица их становились всё печальнее, а уши медленно опускались. Ничего подобного Виктор Павлович, который сидел у стены как помощник смотрителя, в жизни не видел. Двенадцать пар опущенных эльфийских ушей. Это был стыд. Чистый, незамутнённый коллективный стыд целого города за то, что триста лет он, сам того не замечая, был негостеприимен.

Решение приняли единогласно. Бордюры на главных улицах и у рынка заменить. Новые сделать низкими, со скосом, удобными для колёс и коротких ног. Старые списать.

Оставался вопрос денег. Работа была большая, и обычной ежегодной суммы на содержание камня на неё не хватало. Казначей Мирвен откашлялся и робко напомнил, что есть резерв. Совет помолчал. Резерв был на Артефакт связи. Триста лет его не трогали.

— Артефакт подождёт ещё год, — сказал наконец председатель Совета. — Гости не должны страдать.

И все двенадцать эльфов кивнули с таким облегчением, будто сняли с себя тяжёлый груз.

Оставался последний вопрос: кто будет делать. Тальвен один не справился бы и за десять лет. И тут Виктор Павлович, который до того сидел тихо, как и положено помощнику, скромно поднял руку.

— Есть одна мастерская, — сказал он, — новая. «Ровный путь». Она как раз берётся за такие работы. Вывезет старые бордюры, найдёт подходящий новый камень, наймёт мастеров. Городу останется только принять работу.

Кто держит эту мастерскую, никто из старейшин не спросил. Им не пришло в голову спросить. А заодно Совет, по предложению того же помощника, постановил оплатить мастерской и вывоз старого камня. Не бросать же его посреди улицы.

Дальше всё пошло так гладко, что Виктору Павловичу временами становилось даже немного скучно.

Рабочие Горма за месяц сняли старые бордюры на главных улицах. Камни грузили на телеги бережно, перекладывая соломой, как грузят хрусталь, и увозили за реку. По документам — на вывоз и списание. Город заплатил «Ровному пути» за вывоз.

За рекой, на каменоломне, «Ровный путь» продал списанный камень мастеру Горму. За ценой Горм не постоял, он только крякнул, отсчитывая монеты, и сказал, что на подгорных ярмарках за этот камень дадут втрое больше. Через неделю первые обозы с перламутровым камнем, укрытыми рогожей, ушли на юг.

Новые бордюры Горм поставил городу сам. Низкие, со скосом, из камня его каменоломни, свежего, ещё пахнущего пылью. Цену на них, как и двести лет до того, назвал Горм, фирма “ровный путь” её утроила, а казначей Мирвен заплатил не торгуясь из резерва, отложенного на Артефакт связи. Тальвен принял работу и подписал.

А через несколько дней, поздно вечером, к дому-дереву на краю леса подъехала гномья тачка с тремя мешками извести. Возчик молча сгрузил мешки у порога, кивнул и уехал. Аэлинор, выглянув в окно, удивилась, зачем помощнику смотрителя столько извести. Виктор Павлович объяснил, что это для работы. В каком-то смысле это была правда.

Известь в мешках была только сверху.

Ночью, при магическом светильнике, он пересчитал всё у себя в комнате на нижнем ярусе. Плата города за работы. Плата за вывоз списанного камня. То, что Горм заплатил за этот камень. И то, что Горм откатил ему из цены новых бордюров, по-гномьи аккуратно, в отдельном мешочке, перевязанном красным шнурком.

Сумма вышла такая, что Виктор Павлович пересчитал её дважды. Он, повидавший в своей жизни немало сумм, сидел на полу среди серебра и не мог поверить. За один заказ. За одну улицу, по сути. В Краснозаборске такое приносила Соборная площадь, переложенная трижды.

Но дело было даже не в сумме. Дело было в том, что не нужно было ничего отдавать.

Никому. Ни Аркадию Семёновичу, ни главе области, ни комиссии из Москвы. Никто не позвонит и не скажет: «Витя, к пятнице». Шесть рублей из десяти не уйдут наверх. Наверху здесь не было никого. Всё, что лежало сейчас на полу его узкой комнаты, принадлежало ему целиком.

Виктор Павлович ждал, что почувствует радость. Или хотя бы азарт, как в молодости. А почувствовал он что-то другое, странное и неприятное, и не сразу понял, что это. Двадцать

лет он говорил себе: «Вот поэтому». Система. Не заносишь — снимут. Не для себя же. И вот оказалось, что заносить некому, а он всё равно здесь, на полу, среди мешков с известью.

Он отмахнулся от этой мысли, как от комара. Сгрёб монеты обратно в мешки, задвинул их под кровать и погасил светильник.

Наутро он шёл с Тальвеном на обход по главной улице. Новые бордюры стояли ровно, низкие, гладкие, и гномьи телеги въезжали на рынок без всякого штурма. Двое полурослико в с тачкой, проезжая мимо, приподняли шляпы и поклонились Тальвену в знак благодарности. Тальвен просиял.

Потом он опустился на колени у нового бордюра, приложил ухо и стукнул молоточком. Раз. Другой. Подождал. Стукнул ещё.

Новый камень не звенел. Он отвечал на удар коротким, тупым стуком, будто кто-то постучал в запертую дверь.

Тальвен поднялся и долго смотрел на бордюр, нахмурившись.

— Молодой ещё, — сказал он наконец неуверенно. — Привыкнет.

Виктор Павлович согласно кивнул. Где-то глубоко внутри у него тихо и удовлетворённо щёлкнуло, как щёлкает механизм, сработавший ровно так, как его задумали.

И почему-то вспомнилось, что сказала ему Аэлинор в тот вечер у печи.

Такие глаза не должны пропадать зря.

Глава 6. Известь

Через неделю Виктор Павлович сделал неприятное открытие: деньги в Лунолесье некуда было девать.

В Краснозаборске такой проблемы не существовало. Там деньги сами знали, куда им идти. Часть уходила наверх. Часть превращалась в квартиры, записанные на тёщу, в дачу на Заборке, в машину жене, в дом в Черногории и в лечение нервной системы. Деньги в Краснозаборске были как вода: только открой кран, и они сами найдут, куда утечь.

Здесь кран был открыт, а вода стояла.

Начал он, как начинал всегда, с жилья. Пошёл в канцелярию узнать, сколько стоит небольшой дом у реки. Писари обрадовались ему, как старому другу, сверились со свитком и с искренним сожалением напомнили: Пока-никто не может владеть землёй. Ни домом, ни садом, ни клочком под огород.

Тогда он решил одеться. Двадцать лет он ходил в костюмах, которые шили на заказ, и полгода в одном и том же пиджаке, лоснящемся на локтях, давались ему тяжело. Он заказал у лучшего портного Лунолесья плащ из тёмно-синей шерсти, с серебряной вышивкой по вороту. Плащ вышел роскошный. Виктор Павлович надел его и прошёлся по главной улице.

Никто не обернулся. То есть обернулись, но не так. Эльфы смотрели на плащ с тем же вежливым интересом, с каким когда-то смотрели на пятитысячную купюру: красивая вещь, необычная. Никто не подумал: «Вот идёт богатый и важный человек». В Лунолесье не было такой мысли. Здесь плащ означал только то, что под ним тепло.

Он заказал ужин в лучшей таверне: жареную дичь, пироги, вино из погребов, которым было больше лет, чем Краснозаборску. Ужин был отменный. Но есть его было не с кем. Аркадия Семёновича здесь не было, и некого было угощать, чтобы потом напомнить. Подрядчиков, которых надо прикормить, не было. Нужных людей не было. Он сидел один за длинным столом и чувствовал себя как человек, который купил билет на концерт, а зал оказался пустым.

Эльфы богатством не хвастались, потому что им не перед кем было хвастаться. Тот, у кого было больше, жил почти так же, как тот, у кого было меньше. Самым богатым эльфом Лунолесья, как выяснил Виктор Павлович из осторожных расспросов, считался старый садовник Эландир, у которого был самый большой в округе сад. Богатым его называли за яблони.

А под кроватью у Виктора Павловича лежали три мешка с известью, и известь эта с каждым днём казалась ему всё тяжелее.

Проблему решил Горм.

Выслушав Виктора Павловича в своей будке, за второй кружкой пива, гном долго смеялся. Смеялся он басом, раскачиваясь на стуле и вытирая слёзы косичкой бороды.

— Под кроватью! — повторял он. — Под кроватью у эльфийки! Мешки с известью! Ох, не-эльф, ох, уморил…

Отсмеявшись, он посерьёзнел и объяснил, что деньги, которые лежат, — это не деньги, а камни. А камнями он и сам торгует. Деньги должны работать.

У гномов, как выяснилось, имелось то, чего в Лунолесье не было и быть не могло: подгорные хранилища. Глубоко в скале, за тремя дверями из кованой стали, каждая с замком, ключ от которого был только у одного гнома. Туда сдавали серебро и золото, а взамен получали расписку. Расписку выбивали на тонкой каменной пластине, с печатью гильдии и подписью хранителя. Подделать такую нельзя, потерять трудно, а уничтожить можно только кувалдой.

— Расписки на камне, — сказал Горм с гордостью. — Мы, гномы, бумаге не доверяем. Бумага горит. Бумагу эльфы пишут.

За хранение гильдия брала малую долю. Но и сама не сидела сложа руки: деньги из хранилища шли в оборот. Гномьи караваны ходили на юг, к торговым городам полурослико в, и на север, в подгорные королевства. Тот, кто держал деньги в хранилище, мог взять долю в караване. Караван возвращался с прибылью — доля росла.

— Скажем, — Горм хитро прищурился, — караван, который везёт на юг старый эльфийский камень. Очень доходное дело. Я слышал, там за него дают вес в золоте.

Виктор Павлович понял не сразу, а когда понял, ему захотелось встать и пожать гному руку ещё раз. Схема замыкалась в кольцо. Город платит конторе за то, что она вывозит камень. Контора продаёт камень Горму. Горм везёт камень на юг. А Виктор Павлович, через долю в караване, получает прибыль с того же камня ещё раз. Один и тот же бордюр приносил ему деньги трижды, и с каждым разом всё больше.

В Краснозаборске это называлось бы «вывести в офшор». Здесь офшор находился под горой, за тремя стальными дверями, и охраняли его гномы, которые умели молчать лучше любого швейцарского банкира.

— А дальше? — спросил Виктор Павлович. — За южными городами?

Горм пожал плечами и отхлебнул пива. Дальше, сказал он, пустыня. За пустыней горы. А за горами, если верить тем, кто слышал от тех, кто слышал, лежит царство людей.

— Людей?

— Ну, таких, как ты, — Горм ткнул в него пальцем. — Не-эльфов. Уши круглые, бород не носят, живут недолго, зато быстро. Сам я их не видел, и никто из наших не видел. Только на картинках, которые привозят с южных ярмарок, а туда их привозят с ярмарок ещё южнее. Говорят, города у них из камня выше гор. Говорят, у них всё продаётся и всё покупается, даже должности. Говорят, золото там видно сразу: у кого его много, тот ходит в шелках, ездит в золочёной карете, и все ему кланяются. Чушь, конечно.

Виктор Павлович не стал спорить.

Раз в несколько лет, продолжал Горм, туда снаряжают большой караван. Идут годами, возвращается половина. Место в таком караване стоит как вся его каменоломня, а то и дороже, потому что кто туда уходит, обратно обычно не возвращается. Говорят, не хотят.

— А когда следующий? — спросил Виктор Павлович, и голос его, к собственному удивлению, слегка сел.

— Лет через пять, — сказал Горм. — Может, через семь. Как соберутся.

Виктор Павлович допил пиво и долго смотрел в пустую кружку. В груди у него было то же чувство, что и в первый день у фонтана, только наоборот. Тогда он увидел красоту, от которой отвык. Теперь он услышал о мире, к которому привык. О мире, где деньги видно. Где

их можно потратить. Где с правильным счётом можно жить так, как он жил в Черногории, только без звонков из области.

Пять лет. Ровно столько же, сколько эльфам оставалось копить на Артефакт связи.

В тот вечер у Виктора Павловича появилась цель. Город был не нужен ему. Ему нужен был счёт в подгорном хранилище, достаточный, чтобы купить место в караване и ещё на сорок лет жизни в золочёной карете. А город был лишь местом, где этот счёт можно набить, пока есть такая возможность.

На следующий день гномья тачка забрала от дома-дерева три мешка извести. Аэлинор, увидев это из окна, решила, что известь, видно, оказалась не та.

Через неделю у Виктора Павловича появилась первая каменная пластина: тонкая, гладкая, тёмно-серая, с выбитыми рунами и печатью гильдии. Он долго вертел её в руках. Пластина была размером с ладонь и весила как небольшая книга. Виктор Павлович подумал, что за всю жизнь у него не было ни одной бумаги, которая так ясно сообщала бы правду о его состоянии.

Он завернул её в тряпицу и положил во внутренний карман. Там, где когда-то лежал бумажник с пятитысячными купюрами.

Аэлинор заметила не сразу. Но заметила.

Сначала был плащ. Она ничего не сказала, только посмотрела на серебряную вышивку по вороту чуть дольше, чем смотрела обычно на вещи. Потом были подарки. Виктор Павлович, не зная, куда ещё девать деньги, которые всё-таки оставались на руках, начал приносить в дом-дерево то одно, то другое. Новые очки в тонкой золотой оправе, взамен её старых, с поцарапанным стеклом. Набор цветных мелков для школы, привезённый с юга. Книгу в переплёте из тиснёной кожи с серебряными застёжками.

Очки она примерила, поблагодарила и положила в ящик стола. Продолжала носить старые. Мелки отнесла в школу и раздала детям. Книгу поставила на полку и, кажется, не открывала.

Однажды вечером, когда он принёс ей шаль из тонкой южной шерсти, Аэлинор не стала её разворачивать. Положила свёрток на стол, сняла очки, протёрла их краем рукава и надела снова. Посмотрела на него поверх стёкол.

— Виктор-Павлович, — сказала она спокойно. — Помощник смотрителя получает три серебряные монеты в месяц. Я знаю. Тальвен мне говорил. Откуда?

Он был готов к этому вопросу. Двадцать лет он отвечал на вопросы журналистов, прокуроров, депутатов и неравнодушной общественности. У него был ответ на любой вопрос, гладкий, обкатанный, правильный, и ни один из этих ответов не был ложью в юридическом смысле.

— Контора, — сказал он. — «Ровный путь». Помнишь, я открыл мастерскую? Мы меняли бордюры. Для гостей города. Совет заплатил за работу. Это честные деньги, Аэлинор. Всё по закону.

Всё это было правдой. Каждое слово.

Аэлинор помолчала. Она не стала спорить. Не стала расспрашивать. Она просто смотрела на него долго, спокойно и внимательно, и Виктор Павлович вдруг с ужасающей ясностью вспомнил лису, которую она нарисовала мелом на грифельной доске полгода назад. С хитрой мордой и пушистым хвостом.

Она не нарисовала её сейчас. Но он всё равно её увидел.

— Хорошо, — сказала Аэлинор наконец. — Спасибо за шаль.

И пошла ставить чайник.

А на следующий день, когда он вернулся с обхода, она рассказала ему, как прошёл день в школе. Рассказала просто так, между делом, разливая суп.

У детей Лунолесья, оказывается, была старая игра. Возвращаясь из школы, они бежали по бордюрам главной улицы, перепрыгивая с камня на камень, и каждый камень под их ногами отзывался звоном. У каждого камня был свой звук, и если пробежать правильно, получалась

песенка. Песенку эту знали все дети города. Её знала и Аэлинор, потому что сама бегала по этим бордюрам, когда ей было семь лет. Её знала её мать.

— А сегодня они не побежали, — сказала Аэлинор. — Новые камни низкие. И они не звенят. Дети постояли и пошли домой пешком.

Она поставила перед ним тарелку и села напротив.

Виктор Павлович ел суп и смотрел в тарелку. Суп был вкусный. Он доел его до последней ложки и только потом понял, что не почувствовал никакого вкуса.

Он не спал полночи. Но думал, к своему стыду, вовсе не о детях.

Вернее, сначала о детях. О бордюрах, которые больше не поют. О песенке, которую знала мать Аэлинор. Эта мысль была неприятной, как камешек в ботинке, и он долго ворочался, пытаясь устроиться так, чтобы она не мешала. А потом, сам не заметив как, перешёл к мысли другой, куда более удобной, деловой.

Деньги у него были. Много денег, и под горой их становилось всё больше. Но в Лунолесье деньги не покупали главного. Не покупали дом: Пока-никто не владеет землёй. Не покупали уважения: эльфы уважают за яблони. И не покупали того, к чему Виктор Павлович привык больше всего, без чего задыхался, как рыба на берегу - власти.

В Краснозаборске деньги и власть были как два конца одной трубы: вливаешь в один, вытекает из другого. Власть давала деньги, деньги удерживали власть. А здесь труба была перекрыта ровно посередине, и перекрыта не кем-нибудь, а одним словом, выведенным тушью в книге канцелярии. «Пока-никто» не может занимать должностей, не может голосовать.

Он мог купить пол-Лунолесья, но не мог сидеть в Совете. Он мог подсказать Тальвену любую идею, но подписывать её всё равно будет Тальвен. Он мог провернуть любую схему, но каждый раз ему придётся сидеть у стены и скромно поднимать руку: «Есть одна мастерская». Вечный помощник. Вечный посредник. Вечный «не-эльф».

А главное, так он будет копить слишком медленно. Караван уйдёт через пять лет, и уйти с ним надо с таким счётом, чтобы в царстве людей хватило на всё. Помощник смотрителя, пусть даже с конторой, — это мелочь: бордюры, камни, известь. Настоящие деньги лежали в казне, а к казне подпускают только тех, кто сидит в Совете.

Значит, надо было перестать быть Пока-никто.

Как? Он не знал. Но он знал, что в любом государстве, в любом мире, если хочешь что-то изменить, надо начинать с того, как это государство устроено. С правил. С бумаг. С законов. Эльфийский закон был для него пока тёмным лесом: свиток, который приносили из глубины канцелярии, писари, которые полтора часа совещались над одной строкой. Но лес есть лес. Если знать тропинки, через любой лес можно пройти.

Утром, за завтраком, он спросил Аэлинор, нет ли у неё книг о законах Лунолесья.

Аэлинор подняла на него глаза. В них мелькнуло что-то похожее на удивление, а потом на радость. Наверное, она подумала, что вчерашний разговор о детях и бордюрах заставил его задуматься. Что он хочет понять, как правильно жить в этом городе. Что не-эльф наконец решил стать своим.

— Конечно, — сказала она. — Хочешь понять, как у нас всё устроено?

— Хочу, — честно сказал Виктор Павлович.

Она поднялась на верхний ярус и долго там что-то искала. Вернулась она с тяжёлым томом в переплёте из потемневшего дерева, с медными уголками. Сдула с него пыль. Пыли было много.

— Свод Лунолесья, — сказала Аэлинор, с нежностью проведя рукой по переплёту. — Самый старый список. Его переписал мой дед. Сюда редко кто заглядывает. Зачем? Мы и так знаем, как правильно.

Она положила книгу перед ним, и в её голосе была такая гордость за него, что Виктору Павловичу на секунду стало трудно дышать.

Он открыл первую страницу.

Книга пахла пылью, деревом и временем. И ещё чем-то, чему он не сразу подобрал название. Чем-то, что он чуял в Краснозаборске каждый раз, когда раскрывал новую нормативную базу - возможностями.

Глава 7. Буква

Свод Лунолесья оказался самой скучной книгой, которую Виктор Павлович когда-либо держал в руках, а держал он в руках Градостроительный кодекс со всеми поправками.

Законы в нём были короткие, в одну-две строки, и написаны таким старым языком, что половину слов приходилось переспрашивать у Аэлинор. Никаких пунктов, подпунктов и примечаний. Никаких «в порядке, установленном», никаких «за исключением случаев, предусмотренных». Просто: «Мост через реку не загораживать». «Воду в источнике не мутить». «Слово, данное Совету, держать». Читая это, Виктор Павлович испытывал смешанное чувство, как у опытного взломщика, которому показали замок на детском шкафчике: вроде бы и закрыто, а вроде бы и стыдно открывать.

Но первая страница, предисловие, его насторожила. Предисловие было длиннее любого закона в книге и написано было иначе, торжественно и тяжело. В нём говорилось, что законы Лунолесья скреплены клятвой основателей, данной на крови и на камне в первый день города, и что сила этой клятвы стоит над каждой строкой. Нарушить закон, говорилось там, всё равно что поднять руку против самого камня, и камень ответит.

Виктор Павлович решил, что это поэтическая вольность. В Краснозаборске тоже на первой странице любого устава писали что-нибудь торжественное про служение людям, и никто никогда не воспринимал это буквально.

Тогда Аэлинор отвела его к Камню клятвопреступника.

Камень стоял за городом, на развилке старой дороги, в высокой траве. Виктор Павлович сто раз проходил мимо и принимал его за дорожный столб, обветренный и поросший мхом. Только вблизи было видно, что у столба есть лицо. Удлинённое, эльфийское, с открытым в крике ртом. И рука, поднятая, будто чтобы заслониться от чего-то.

— Его звали Тирион, — сказала Аэлинор тихо. — Шестьсот лет назад. Он был казначеем. Он поклялся Совету, что в казне столько-то серебра, а серебра было меньше, потому что часть он взял себе. Он произнёс это на ступенях Совета, по обычаю, положив руку на камень. Камень и ответил.

Виктор Павлович долго смотрел на каменное лицо. Лицо выражало не страх и не боль, а глубочайшее изумление, как у человека, который всю жизнь знал, что за такие вещи бывает, но ни на минуту не верил, что это случится с ним.

Виктор Павлович знал это выражение. Он видел его в Краснозаборске раз в несколько лет, на лицах коллег из соседних районов, когда их выводили из кабинетов люди в масках. Только там через пару лет выходили по УДО. А этот стоял здесь шестьсот лет, и выходить не собирался.

Всю обратную дорогу Виктор Павлович молчал, а дома, когда Аэлинор ушла в школу, сел за Свод и перечитал предисловие ещё раз. Медленно, слово за словом, как читал когда-то договоры, которые подсовывали ему на подпись люди из области. И заметил то, чего не заметил в первый раз.

Клятва основателей скрепляла не всё. Она скрепляла закон, слово, данное Совету, и записи, сделанные «рукой, служащей городу». Обычные разговоры она не трогала. Эльф мог сказать соседу, что яблоки у него вкусные, когда они кислые, и камень молчал. Но если тот же эльф, стоя на ступенях Совета, клялся, что в казне сто монет, а их было девяносто, камень отвечал.

Это нужно было проверить. Виктор Павлович был человеком практическим и словам, даже скреплённым кровью основателей, без проверки не доверял.

Проверку он устроил в башне Тальвена, вечером, когда смотритель ушёл. Открыл Книгу Камня, ту самую, куда записывал всё, что происходило с мостовыми. Это и была запись «рукой, служащей городу». Обмакнул перо и решил написать что-нибудь безобидное, но неправдивое: например, что сегодня заменили камень у моста. Никакой камень у моста сегодня не меняли.

Он вывел первое слово, потом второе. На третьем рука остановилась.

Она не дрожала, не болела и не немела. Она просто не двигалась дальше, как не поворачивается ключ в чужом замке. Перо застыло над страницей, и с него медленно, тяжело сорвалась капля чернил. Виктор Павлович надавил сильнее, но рука не шелохнулась. Тогда он почувствовал, как от кончиков пальцев вверх, к запястью, потянуло холодом. Несильно, будто опустил руку в осеннюю реку. Он посмотрел на пальцы, и ему показалось, только показалось, что кожа на них стала чуть светлее и чуть глаже. Как перламутр.

Он бросил перо, и холод отступил. Пальцы снова стали пальцами. На странице остались два слова и клякса.

Виктор Павлович сидел над книгой долго, пока сердце не перестало колотиться. Потом взял нож и аккуратно выскоблил два слова и кляксу. Это рука сделала без всякого сопротивления: выскоблить неправду было не запрещено.

А потом он поставил второй опыт и написал в Книге Камня чистую правду: «Сегодня у моста ничего не меняли, потому что ничего менять не требовалось». Рука прошла по странице легко, как по маслу.

И тогда он задумался о записи, которую сделал сам, своим почерком, месяц назад, когда шла замена бордюров. «Бордюры на главной улице заменены мастерской „Ровный путь“. Старый камень вывезен. Уплачено столько-то». Каждое слово там было правдой. Бордюры заменены. Камень вывезен. Уплачено ровно столько, сколько уплачено. А куда вывезен, кому продан и сколько из уплаченного вернулось в мешках с известью, книга не спрашивала. Поэтому камень и молчал.

Виктор Павлович откинулся на стуле и тихо рассмеялся. Он вспомнил, как отвечал Аэлинор на вопрос «Откуда?»: каждое слово правда. Он вспомнил двадцать лет своих интервью, отчётов и выступлений на сессиях городской думы. В них не было ни одной лжи, только правда, подобранная так, чтобы из неё не получилось ничего лишнего.

Всю жизнь он, сам того не зная, готовился жить в Лунолесье.

Следующие две недели он читал Свод так, как не читал ничего с института. По вечерам, при свече, с карандашом. Аэлинор, видя это, тихо радовалась и приносила ему травяной чай.

Чем глубже он забирался в книгу, тем яснее становилась картина. И чем яснее она становилась, тем сильнее у Виктора Павловича захватывало дух, как у человека, который всю жизнь лазил через забор и вдруг обнаружил, что ворота открыты.

В Краснозаборске закон был как старый асфальт: дырявый, латаный-перелатанный, и каждый ездил по нему как умел. Его можно было нарушить, и все нарушали, а дальше всё решалось тем, кто кого знает и кто кому занёс. Поэтому там приходилось всё время оглядываться. Проверки, прокуратура, конкуренты, которые настучат. Каждая схема держалась на десятке людей, и каждый из них мог подвести.

Здесь закон был как мостовая Тальвена: уложен один раз, по чертежу, с щебёночным основанием, и стоит триста лет. Нарушить его нельзя, это Виктор Павлович проверил на собственной руке. Но мостовая не говорит тебе, куда ехать. Она просто лежит. Поезжай по ней куда хочешь, и она не скажет ни слова, лишь бы колёса не сходили с камня.

Эльфы этого не понимали. Им не приходило в голову спрашивать у закона, чего он не запрещает. Они жили не по букве, а по тому, что считали правильным, и буква была им нужна только как ограда у края обрыва. А того, кто станет ходить вдоль самой ограды, по самому краю, не переступая её ни на палец, закон не предусматривал. Потому что за шестьсот лет такого не было ни разу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.